

УДК 882-3:882-53

НОМИНАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» В СКАЗОЧНОМ НАРРАТИВЕ

Т. С. Соколова*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
Sokolova@bsu.edu.ru*

Словесные комплексы, извлечённые из текстов русских волшебных сказок, являются достоверными фольклорными источниками этнокультурной информации об априорных категориях бытия. В статье проанализирована функциональная семантика номинационного потенциала как репрезентанта концептуальных признаков времени в русском сказочном нарративе.

Ключевые слова: этнокультурная информация, концептуализация, фольклорные словесные комплексы, традиция и вариативность.

Введение

В исследовательской литературе отражено многообразие опытов лингвистического описания категории времени с применением различных методических приемов, однако без привлечения или без должной сосредоточенности на данных языка русского фольклора в его жанровых версиях. Время как априорная категория бытия определяется той этнической культурой, к которой принадлежит человек. Инвариантное содержание априорных категорий бытия имеет множество реализаций, транслированных различными способами в различных формах конкретным человеком, коллективом людей. В содержании концепта «время», объективированном функциональной семантикой номинационного потенциала сказочного нарратива, возможно выявление существенных признаков, определяющих этноспецифическое изображение в осмыслении категории времени, его значимости в композиционной и сюжетной организации текстов русских волшебных сказок.

Особой сферой для исследователей прошлого и настоящего времени остаётся язык русских народных сказок и в особенности их лексикон, являющийся достоверным источником этнокультурной информации об опыте бытования человека в реальной действительности. «Область сказки огромна, для её исследования требуется работа нескольких поколений учёных, – утверждает В. Я. Пропп. Общеизвестным является мнение учёного, что изучение сказки не столько частная дисциплина, сколько самостоятельная наука энциклопедического характера. Она не мыслима без истории религии, истории форм мышления и поэтических форм языкознания, исторической поэтики» [1, с. 67]. Сказочный текст сохранил особенности мироощущения и осмысления данных категорий в сознании наших предков. «Восприятие окружающей действительности, – замечает В. В. Колесов, – связано с эпической традицией, согласно которой пространство состоит из предметов и вне предметов не существует. Время же определяется перемещением этих предметов и вне движения невозможно. Совмещение столь конкретно понимаемых пространства и времени в точке пересечения и порождает мир, вселенную, свет» [2, с. 87].

Ценными для лингвокогнитивной интерпретации сказочного «хронологического» материала являются высказывания Д. С. Лихачёва. Отмечая неразрывную связь времени и сюжета, он утверждает, что «отсчёт времени ведётся от одного эпизода к другому. Время отсчитывается от последнего события: «через год», «через день», «на следующее утро». Перерыв во времени – пауза в развитии сюжета. «На следующее утро», «через день», «через год» – разыгрывается следующее событие, следующий эпизод. И так далее до финала сказки» [3, с. 94]. Небезынтересны и литературоведческие толкования времени. «Время – важное средство в сцеплении отдельных частей

сюжета. Время в сказке играет и содержательную роль, помогая своеобразному сказочному решению ряда проблем: жизнь и смерть, красота и безобразие, ускорение процесса труда, торжество правды и добра, гибель и наказание злого. Фантастическое время сказки утверждает над всем силу и красоту человека» [4, с. 104]. По-своему применительно к сказочному жанру объясняет понятие времени Д.Н. Медриш, отмечая его замкнутость: «Традиционные фольклорные жанры складывались в период, когда представления о времени принципиально отличались от существующих ныне. Поэтому сказочное время существует только относительно действий героев... В сказке время как реальная форма отсутствует, а действие совершается прежде всего в пространстве» [5, с. 84].

По сравнению с другими видами сказочного жанра язык волшебных сказок более традиционен в словесном оформлении, ему свойственна характерная стилистика. Повествование в волшебных сказках почти всегда выдержано в композиционном построении. Функционально-семантическое изучение фольклорного лексикона – определяющее исследовательское действие в выявлении концептуальных признаков. Априорные категории пространства и времени существуют неразрывно, но их восприятие человеком тем не менее разведено, что позволяет в лексико-фразеологических ресурсах выделять и отдельно изучать языковые реалии, обозначающие пространство и время.

Рабочая терминология и методы исследования

Язык волшебной сказки – это средоточие жанра, традиции, взаимосвязей с разговорной речью, литературным языком. Поэтому необходимо обоснование рабочих терминов, методов анализа, выявляющих специфику фольклорного слова.

Номинационный потенциал в своих видах. В волшебных сказках понятия пространства и времени преимущественно обозначаются сочетаниями, компоненты которых тесно связаны синтаксически, семантически не членимы и устойчивы в употреблении. Непосредственным объектом наших наблюдений явились тематические объединенные номинационные средства, которые состоят из двух и более знаменательных слов и являются репрезентантами концептуальных признаков времени. В языке сказок устойчивые номинации времени мы обозначаем общим термином «словесные комплексы», представленные в виде бинарных и многокомпонентных сочетаний.

Бинарные сочетания количественно состоят из двух слов – знаменательных частей речи, служащих для выражения «единого понятия или представления»: *скорое время, утром рано, три года* и др. К бинарному сочетанию также относим номинацию *пора-время*, состоящую из семантически тождественных компонентов.

Многокомпонентными сочетаниями называем номинации, составными частями которых преимущественно являются синонимические бинарные сочетания, как правило, не употребляющиеся отдельно: *старые годы, старопрежние времена*. К многокомпонентным комплексам относим также сочетания синонимичных наречий с частицами *ли, ни*: *ни много, ни мало; скоро ли коротко ли* и под. На основе синтаксической связи – сочинительной – к многокомпонентным номинациям причисляем сочетания типа: *день, другой ... третий; год, два, три...; месяц, и два, и три*.

Отличительная особенность «временных» номинаций волшебной сказки – это традиционность в воспроизведении: различными сказочниками используются преимущественно одни и те же сочетания в своих разновидностях, или вариантах. Вариантными определяем словесные комплексы, отличающиеся количеством компонентов, их последовательностью, но реализующими одно и то же значение. Именно в сказке ярко проявилась такая специфическая черта вариативности, не ограниченная, как в эпосе или в песне, традиционными особенностями ритмики, специфики напева.

При анализе фольклорного материала привлекаем не только лингвистические, но и литературоведческие (шире – филологические) приемы. Из лингвистических приемов определяющим является контекстуальный анализ, требующий наблюдения

над смысловыми связями, отношениями между словами на уровне микроконтекста. В сказке устойчивые номинации сами по себе уже представляют микроконтекст, что и определило композицию статьи: вначале представим структуру, объём номинаций, частеречную принадлежность их компонентов, затем обратимся к функционально-семантическому комментированию. Также имеем в виду и расширенные контекстные связи фольклорного слова. Широкий контекст – это не только ближайшее к изучаемому факту содержание, но и символическая сущность всего сказочного нарратива.

Практическая часть

I. Грамматика «сказочного» времени: структура, объём словесных комплексов

Бинарные сочетания. В языке волшебной сказки бинарные сочетания времени являются как самостоятельно функционирующими единицами, так в большинстве случаев «строительным материалом» для создания устойчивых номинаций других видов. Поэтому началом в описании бинарных сочетаний явится частеречная характеристика, которая будет сопровождаться замечаниями композиционного, стилистического плана. Бинарные сочетания, называющие временные координаты, состоят из различных знаменательных частей речи. Наибольшую по объёму и количеству употреблений группу представляют сочетания, строящиеся по модели «колич. числит. + сущ.»: *три минуты, три дня, три ночи, пять часов, двенадцать лет* и др. Частотна также модель «указат. мест. + сущ.» и «неопред. мест. + сущ.». Причём указательные и неопределённые местоимения чаще определяют существительное *время*, реже – *день, пора* и др.: *то время, это время, некое время, некоторое время; та пора, такой-то день*. Структура данных сочетаний может расширяться определительным местоимением *самый*, частицей *же*: *то самое время, то же самое время*. Композиционное присутствие бинарных сочетаний типа «мест. + сущ.» способствует более всего выделению повествовательных фрагментов сказки. Они служат для соединения смысловых частей как внутри предложения, так и на уровне всего текста сказки.

Сочетания, построенные по модели «нар. + сущ.», «прилаг. + сущ.»: *немало времени, много времени; долгое время*, также являются композиционно обусловленными и свидетельствуют о смене сказочных событий: *Вот и полетели они, немало прошло времени, прилетели на край моря синего* [6 (Аф.), № 12]. Эти композиционные характеристики присущи также бинарным сочетаниям «неопред. мест. + сущ.»: *несколько времени (время), сколько-то времени, сколь время*.

В сказке сочетание *поутру-рано* («нар. + нар.») наиболее вариативно. Компоненты вариантов осложняются морфемно: *поутру ранёшенько*, или выступают в другом «застывшем» сочетании: *утром рано*, или один из компонентов отсутствует: *поутру...*

Тематическая организация бинарных сочетаний, обозначающих время, как одна из возможных определяется семантикой компонента: в сочетании *поутру рано* слово *поутру* называет начало временного промежутка. Но более всего ведущим в данной классификации является лексико-грамматический признак определяющего, управляющего компонента. Для уточнения границ времени, которые применительно к сказке должны пониматься, конечно, условно, используются сочетания с указательными местоимениями (*то время*), с числительными, прилагательными (*три минуты (дня, месяца, года, лета, зимы), десять (двенадцать) лет* и др.).

Группу названий неограниченных промежутков времени («условно» большого количества и некоторого количества) образуют сочетания с прилагательным (*долгое время*), с наречием (*много (немало) времени*), с неопределённым местоимением (*несколько (сколько-то) времени, некое время* и др.). Вне тематической организации, мы полагаем, находится номинация *пора-время*, которая контекстуально с учетом реализуемого значения может называть время вообще или уточнять какой-либо момент времени.

Таким образом, изучение структуры, объема состава бинарных сочетаний позволило выявить, что они разнообразны по составу, композиционно значимы в объективации спектра концептуальных признаков времени, а именно: *'начало временного промежутка', 'уточнение границ времени', 'неограниченные промежутки времени'*.

Многокомпонентные сочетания. Богатство традиционного словесного оформления, отличающего волшебную сказку от других жанров, особенно ярко представлена многокомпонентными комплексами, в особенности временными номинациями: «прилагат. + сущ.»: *старые годы, старопрежние времена*; «нареч. + ч. ли + нареч. + ч. ли»: *долго ли, коротко ли; скоро ли, коротко ли; много ли, мало ли времени; ни много, ни мало времени*; «сущ. + числит.»: *день, два; день, другой; день, два, три; день, другой, третий*.

Ряд многословных сочетаний состоит из тех бинарных номинаций, которые известны как компоненты только в их составе: *в старые годы, в старопрежние времена*. Традиционным для сказки как повествовательного жанра является обозначение времени сочетанием слов, связанных сочинением: *день, два; день, два, три; день, другой; день, другой, третий* и под. В приведенных комплексах имя существительное варьируется и тематически представляет группу слов, называющих интервалы астрономического времени: *час, день, месяц* и т. д.: *День, два там жили...; Идут они день, два, три...*

Особенностью ряда комплексов является присутствие частиц: *ли, ... ли; ни..., ни...: близко ли, далеко ли; ни много, ни мало*. Частицы рассматриваем как подтверждение специфики сказочных названий обозначать условность, приблизительность, неопределенность временных координат.

Многокомпонентные комплексы «привязаны» к определенным композиционным частям текста. Одни из них организуют зачин сказки, другие присутствуют в традиционных приемах описания пути героя и достижения им заветного места: *Шли долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается, и пришли к камню...*[6 (ПЖРФ), №35]. Заметим, что в зачине могут быть обозначения или сказочного пространства: *В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею* [6 (РНС), №1], или времени: *В старые годы, в старопрежние времена...* Многокомпонентные номинации могут совмещать в себе названия и пространства и времени: *В стародавние годы в некоем царстве, не в нашем государстве...*

Одновременное обозначение пространства и времени осуществляется также сочетанием комплексов: 1) *близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли*; 2) *долго ли, коротко ли, близко ли, далеко*, в которых наблюдаем варьирование комплексов «времени»: *скоро ли, коротко ли – долго ли, коротко ли...*, а также варьирование в позициях: в первом сочетании название пространственных координат комплекс начинает, во втором – заканчивает. В текстах волшебных сказок подобных совместных названий времени и пространства немного, но они ярко отражают особенности фольклорной стилистики, отличающейся многообразием приемов варьирования языковых средств, но обязательно в рамках традиций. Присутствие усложненных комплексов способствует более четкому выделению композиционных частей.

Многокомпонентные номинации традиционно закреплены за определенными фрагментами сказки. Это свойство позволяет назвать их жанрово «сказочными» в общем составе словесных комплексов для обозначения временных признаков, а именно: *'интервалы астрономического времени' 'условность, приблизительность, неопределенность временных координат'*.

II. Функционирование и семантика словесных комплексов времени

Понимание смысла сказки – это знание композиции, сюжета, языковых средств, ее организующих и от нее зависящих. Сказочное воплощение понятия времени характеризуют с разных сторон. В. Я. Пропп подчёркивает, что в сказке общего

представления о времени нет. Так же, как есть эмпирическое пространство, есть только эмпирическое время, измеряемое не числами, днями и годами, а действиями героев. Только относительно этих действий время существует как реальный фактор повествования... [7, с. 43]. Сюжетную интерпретацию течения времени предлагает В. Я. Бахтина. Сказочное время грамматически относится к прошлому.<...> Относясь к прошлому, сказка относится к неопределённому и скорее стоит как бы над временем вообще. Сказочное время – реальность только самого произведения, оно – художественный вымысел» [4, с. 135]. Тем не менее, «сказочное» время как вымысел при литературоведческом объяснении этого понятия имеет свои специфические «реальные» признаки, которые обозначены в тексте сказок соответствующими языковыми средствами.

Бинарные сочетания. Из всех номинаций времени бинарные сочетания по модели «неопред. мест. + сущ. время» репрезентируют признак неопределённости, которым отличается сказочное время: *Ехал он несколько времени; видит: опять избушка на куриных лапках* [6 (ПЖРФ), № 29]; *...прожили сколько-то времени* [6 (Аф.), № 159]. Заметим, что признак неопределённости сказочного времени тесно связан с другим, жанрово обусловленным признаком – ‘вечное время’. В сказке неопределённое время должно быть вечным для персонажа, который, начиная свой путь от «жили-были», после долгих испытаний возвращается к нормальному ходу своего бытия. Таким образом, признак ‘неопределённость’, по-видимому, с учётом сюжета, должен сопровождаться признаком ‘вечное’, связывающим и прошлое, и настоящее, и будущее.

Но если посмотреть на сказочную картину мира изнутри, то можно отметить, что и «вечное» время, как и реально-историческое, членится на промежутки, причём уточнённые (конечно, условно), оно имеет меру (некоторое количество, большое количество). Функцией обозначения дискретности, уточнения в «неопределённом, вечном» времени наделены почти все бинарные сочетания, в том числе и сочетания по модели «неопред. мест. + сущ. время» в традиционной части: *Возьми лучше к себе, ...в некое время я пригожусь тебе* [6 (ПЖРФ), №20], где контекстуальное значение номинации *некое время* определяем как ‘какой-то момент (неопределённого времени)’.

В сказке большое количество, масштабность неопределённого времени в его длительности имеет свои «лексические измерения» в виде сочетаний: *долгое время, много лет (времени), немало времени: Между тем Ивашко-Медвежье ушко долгое время ходил по сей пропасти и искал выхода...* [6 (ПЖРФ), №35]. *Шёл долго ли, коротко ли – много прошло времени* [6 (РНС), №14].

Условное уточнение во времени какого-то события, действия (его начала, процесса, результата) традиционно осуществляется сочетаниями, выстроенными по модели «мест. (указ., определит.) + сущ.»: *У царя в такой-то день свадьба...* [6 (ПЖРФ), №19]. *В то самое время серебро и почернело...* [6 (Аф.), №159]. *А старушка в это время спит себе* [6 (РНС), №7].

Всегда композиционно связанное с новой сюжетной линией сочетание *поутру рано* (варианты: *поутру ранешенько, поутру...*) обозначает начало временного промежутка: *Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича...* [6 (ПЖРФ), №20, 17]. *...поутру рано встали и отправились в путь-дорогу* [6 (РНС), №1].

Отдельного внимания заслуживает условное выделение промежутков в «вечном» времени, которые обозначены сочетаниями «числит. + сущ.». Это наибольшая по количеству и употреблению группа языковых фактов. Традиционные числительные *один, единый (-ая), два, три, пять, девять, десять, двенадцать, тридцать (и) три* с существительными, называющими параметры астрономического времени (*секунда, минута, час, день* и др.), сезонов (*лето, зима*), семантически «ведут» себя по законам сказочного жанра и реализуют общий для всех номинаций семантический признак ‘неопределённость’, который контекстуально может уточняться. Из числительных особенно частотное слово *три*. Объяснением этому могут служить замечания об отражении древней системы исчисления в фольклоре. Сюжеты сказок, по предпо-

ложению В. Я. Проппа, создавались в тот период, когда ещё счёту десятками предшествовал длительный период счёта до трёх [7, с. 89].

В наших примерах сочетания *три минуты*, *три дня*, *три месяца* и др. могут иметь значения: 'неопределённо очень короткое время' и 'неопределённо очень длительное время'. В их составе показатель интенсивности 'очень' продиктован тем, что в контекстах сообщается о действиях (событиях), совершающихся на границе реального и фантастического: *Та баня топилась три месяца <...>, топите ещё три года!* [6 (РНС), № 1]. *Он поел и принялся за работу: избушка в три минуты была готова* [6 (РНС), № 7]. *Через три дня они уже были большими богатырями* [6 (РНС), № 7]. Замечание, что «в сказке, как и в фольклоре вообще, время условно, как и сам счёт» [7, с. 98], справедливо по отношению и к остальным числительным в сочетании с существительными из тематической группы «время»: *двенадцать дней*, *десять лет* и др. *Он поскакал, снова прилетел в темницу, лёг, двенадцать дней он там спал* [6 (ПЖРФ), № 28, 81]. *Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил – дай мне напиться* [6 (Аф.), № 159].

Особо остановимся на бинарном сочетании *пора-время*, которое при функционировании в языке сказки чаще всего актуализирует значение 'срок к чему-либо'. *Вот как пришла пора-время, подкрался он к девичьей спальне* [6 (РНС), № 10]. *Не пора-время спать, пора-время вставать!* [6 (РНС), № 17]. Это значение реализуется и тогда, когда компоненты могут быть отделены повторяющимися предлогами: *до поры, до времени: Полетай, моё пёрышко, во чисто поле, погуляй до поры, до времени* [6 (Аф.), № 234]. Полагают, что повторение предлогов в составе устойчивых сочетаний способствует их «семантическому расплыванию». Но мы считаем, что в данном случае повторение предлогов перед каждым компонентом – это черта разговорного стиля речи, которую сказочники используют для соблюдения ритма строки, которым, заметим, в фольклорном языке наделены как поэтические, так и прозаические жанры. Таким образом, бинарные сочетания при функционировании объективируют в сказочном нарративе следующие концептуальные признаки: 'неопределённое время', 'вечное время с условно уточненными промежутками', 'большое количество, масштабность неопределённого времени'.

Многокомпонентные сочетания. Как и бинарные сочетания, многокомпонентные номинации при употреблении в сказочном тексте реализуют общий семантический признак 'неопределённость' в сопровождении других признаков, «уточняющих» сказочную «реальность» неопределённость времени. Так, зачинный комплекс в *старые годы*, в *старопрежние времена* в «вечном» течении фольклорного времени называет его фрагмент как неопределённо удалённый от настоящего момента повествования: *В старые годы, в старопрежние времена у одного царя было три сына* [6 (ПЖРФ), № 21].

В сказке особенно частотно из всех устойчивых комплексов сочетание *долго ли, коротко ли*: *Жил долго ли, коротко ли...* [6 (РНС), № 7]. *Долго ли, коротко ли, увидел золотой дворец стоит* [6 (Аф.), № 129]. *Долго ли, коротко ли – прикатился клубочек к избушке* [6 (ПЖРФ), № 269]. Время в сказке по-своему членится: сочетание *долго ли, коротко ли* называет его промежуток, но также никак не определяемый.

Сказочники дифференцированно подходят к использованию сочетаний *времени ни много, ни мало* и *много ли, мало ли времени*. Комплекс с частицами *ни* традиционен там, где повествуется о движении самого времени: *Вот и полетели они, ни много, ни мало прошло времени, прилетели на край моря синего* [6 (ПЖРФ), № 20].

Если же обращается внимание на движение персонажа во времени, то обычно используется сочетание с частицами *ли*: *много ли, мало ли времени: ...ехал много ли, мало ли времени, все земли проехал...* [6 (ПЖРФ), № 17]. *Ходил он там много ли, мало ли времени и пришёл на нижний свет* [6 (ПЖРФ), № 17].

В текстах сказок неопределённое время членится на промежутки, условно равные и повторяющиеся дважды или трижды. Такой приём обозначения времени создаётся за счёт аппликации сочетания с опущенными компонентами: *день, два* ← (*один*) *день, два (дня)*; или: *день, два, три* ← (*один*) *день, два (дня), три (дня)*. *День, два там жили, царь вышел на край и увидел на поле удивительного мужичка* [6 (ПЖРФ), № 28, 81]. *Идут они день, два, три, и захотелось этому Ивану-царевичу натпиться* [6 (ПЖРФ), № 28, 81]. *Вот дошли они до синего моря. Плылёт час, плывёт другой...* [6 (Аф.), № 83]. *Сидит он день, и другой, и третий да слезами обливается* [6 (Аф.), № 83].

Обращает на себя внимание такое явление в использовании многокомпонентных номинаций, как их сочетание при одновременном обозначении пространства и времени. Причём из пространственных комплексов сочетание *близко ли, далеко ли* наиболее часто сопровождается временным комплексом *скоро ли, коротко ли*: *Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли, приходят они к синему морю* [6 (Аф.), № 83]. *Отправился он в путь-дорогу; близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли, подходит к тридесятому царству и видит огромный камень* [6 (РНС), № 15]. *Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ль, воротился на родину* [6 (ПЖРФ), № 27]. Контекстуальное значение, объективированное данным сочетанием комплексов, - '*неопределённый пространственно-временной промежуток*'. При таком обозначении сказочного хронотопа, как свидетельствует наш материал, сказочники не используют весь фонд выработанных веками традиционных поэтических формул. В этом случае они прибегают лишь к некоторым, из числа наиболее употребительных пространственно-временных номинаций. Совокупность концептуальных признаков времени, актуализируемая многокомпонентными номинациями в сказочном нарративе, такова: '*не определяемый промежуток времени*', '*фрагмент времени*', '*неопределённо удалённый от настоящего момента*', '*движение самого времени*', '*движение персонажа во времени*', '*неопределённое время, членимое на промежутки, условно равные и повторяющиеся дважды или трижды*'.

Заключение

Изученные устойчивые номинации в языке волшебных сказок представляют собой ключевые названия времени, известные общенародному языку ещё в далёком прошлом. Структуры значений времени объединены инвариантным семантическим признаком '*неопределённость*', который с учётом композиционных частей сказки может быть условно уточнён, конкретизирован. Проанализированные языковые средства времени (пространства), придавая неповторимый колорит и индивидуальность волшебной сказке, способствуют её выделению в самостоятельный жанр русского фольклора, определяют специфику её языка. В языке волшебной сказки номинационные средства, тематически объединённые понятием времени, как репрезентанты поэтического осмысления коллективным автором данной категории представляют собой значительный пласт текстового словаря, несущего семиотический (символический) заряд, определяя тем самым движение сказочного сюжета, действия и поступки персонажей.

Список литературы

1. Пропп В. Я. Русская сказка. – Л., 1984. – 348 с.
2. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. – М., 1986. – 246 с.
3. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – М., 1979. – 326 с.
4. Бахтина В. Я. Время в волшебной сказке // Проблемы фольклора. – М., 1975.
5. Медриш Д. Н. Структура художественного времени в фольклоре и литературе // Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики. – Саратов, 1980. – С. 17 – 25.
6. Источники и их условные сокращения. Афанасьев А. Н. Русские народные сказки. – М., 1983 (Аф.); Прозаические жанры русского фольклора. Под ред. Морохина В. Н. – М., 1983 (ПЖРФ); Русские народные сказки. Под ред. Круглова Ю.Г. – М., 1987 (РНС) (в ссылках в круг-

Лых скобках дано условное сокращение источника, после скобок цифра обозначает порядковый номер текста).

7. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. – М.: Наука, 1976. – 284 с.

NOMINATIONAL POTENTIAL AS REPRESENTANT OF THE CONCEPT “TIME” IN THE TALE NARRATIVE

T. S. Sokolova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Sokolova@bsu.edu.ru*

The subject of research is the verbal complex, taken from the collection of Russian fairytales. The semantics of folk-lore language facts are a reliable source of the ethnocultural information of the a priori categories of the biling. In this article the author describes functional semantics of the folk-lore nominational potential as representant of the conceptual signs of the time in the Russian tale narrative.

Key words: ethnocultural information, conceptualization, verbal complex, tradition and variation.